

О. Ф. Ерышев, А. М. Спринц

Личность и болезнь в творчестве гениев

Санкт-Петербург
СпецЛит

Олег Ерышев

**Личность и болезнь
в творчестве гениев**

«СпецЛит»

2015

Ерышев О. Ф.

Личность и болезнь в творчестве гениев / О. Ф. Ерышев —
«СпецЛит», 2015

ISBN 978-5-299-00666-7

Книга знакомит читателя с биографиями некоторых великих людей - писателей, поэтов, художников и композиторов, живших в разные эпохи и страдавших психическими расстройствами или выраженными аномалиями характера. Авторы попытались проследить влияние психических расстройств гениальных людей на их творчество. Оказывается, что болезнь, как правило, не разрушает творческих возможностей, а иногда и обогащает их, а также своеобразно расцветивает грани творчества. В то же время гении колоссальными усилиями пытаются преодолеть негативные болезненные проявления, мешающие творческому процессу. Знакомство с жизнью этих необыкновенных творцов помогает лучше понять то, что они оставили нам в наследие. На обложке - картина М.Чюрлениса «Летит черная беда». 2-е издание, дополненное.

ISBN 978-5-299-00666-7

© Ерышев О. Ф., 2015

© СпецЛит, 2015

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ	7
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ	7
КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ БАТЮШКОВ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ерышев О. Ф., Спринц А. М. Личность и болезнь в творчестве гениев

ВВЕДЕНИЕ

Даже согласившись, что гениальные люди бывают странны или, как говорится, нет великого ума без капельки безумия, мы не отречемся от них.

Дени Дидро

Люди, не обладающие знаниями в области психиатрии, обычно считают, что душевная болезнь может только погубить в человеке творческое начало и что наличие такой болезни отрицает какое бы то ни было творчество. При этом существует определенная категория людей, завистливых посредственностей, которые со злорадством встречают сообщение, что некоторые гениальные личности были или стали душевнобольными, и распространяют это на всю категорию гениев. Но есть и те, кто относятся к душевнобольным чуть ли не с почтением, считают всех их гениальными и интересными и испытывают перед ними некоторый страх.

На наш взгляд, все вышеуказанные суждения неправомерны.

При замысле этой книги перед нами возникла определенная этическая проблема: стоит ли сведения о душевном расстройстве некоторых творцов делать достоянием широкой публики? То есть переводить научные сведения на уровень научно-популярных? Не принизит ли это значимость творца в глазах публики, не даст ли посредственности дополнительный повод для злорадства?

Вспомним, однако, гениальную фразу Михаила Булгакова, вложенную в уста Иешуа (роман «Мастер и Маргарита»): «Правду говорить легко и приятно». Именно сокрытие правды дает дорогу необоснованным слухам и суждениям, тормозит мысль и открывает щель для злорадства. Это во-первых.

Во-вторых, все зависит от того, как подать материал для широкой публики. Можно подать как сплетню, а можно так, чтобы читатель почувствовал сострадание к людям, пораженным, может быть, самым страшным недугом, сопереживал их страданиям, почувствовал искренний интерес к психиатрии, а также впервые осознал, что взаимоотношения душевной болезни и творчества могут быть чрезвычайно интересными и далеко не однозначными. *Соотношение душевного расстройства и творчества – сквозная тема всего нашего труда.*

Мы пишем эту книгу для людей, неискушенных в психиатрии, поэтому не перегружаем ее специальной терминологией, а там, где без нее не обойтись, общедоступно расшифровываем термины.

Отметим, что в психиатрической литературе анализу жизни и творчества известных исторических деятелей, писателей и художников посвящено немало трудов (о русских царях Иване Грозном, Петре I и Павле I писал П. И. Ковалевский; о Гоголе и Пушкине – В. Ф. Чиж; о Врубеле – Н. Г. Шумский; о Стриндберге и Ван Гоге – К. Ясперс; о Распутине – А. П. и Д. А. Коцюбинские; о Сталине, Гитлере – А. Е. Личко и др.). Однако в этих работах применяется углубленный психиатрический анализ, порой весьма сложный.

О соотношении «гениальности и помешательства» подробно писал знаменитый итальянский психиатр Чезаре Ломброзо (1835 – 1909). Особенности строения тела и темпераменту «гениальных безумцев» посвятил немало страниц другой великий психиатр, профессор из Тюбингена Эрнст Кречмер (1888 – 1964). Однако Ч. Ломброзо рассматривал проблему в общем, а Э. Кречмер не соотносил свои наблюдения с творчеством гениев.

Опираясь на наблюдения разных авторов, в том числе времен античности, Ч. Ломброзо пишет о многих людях, обладающих замечательным талантом, но обнаруживающих признаки помешательства. Однако он же (и не раз!) подчеркивает отсутствие идентичности понятий «гениальность» и «помешательство»: «В числе гениальных людей были и есть помешанные, так же как между последними бывали субъекты, у кого болезнь вызвала проблески гения, но вывести из этого заключение, что все гениальные личности непременно должны быть помешанными, значило впасть в громадное заблуждение. Было и есть множество гениальных людей, у которых нельзя отыскать ни малейших признаков помешательства».

Наш современник, известный литератор и переводчик Григорий Чхартишвили также не находит однозначной связи «безумия и гениальности», однако пишет, что они находятся «в одном поле».

Интересно замечание Э. Кречмера: «Высокая одаренность сочетается с резко выраженными личностными особенностями... без которых гений становится ординарным способным человеком».

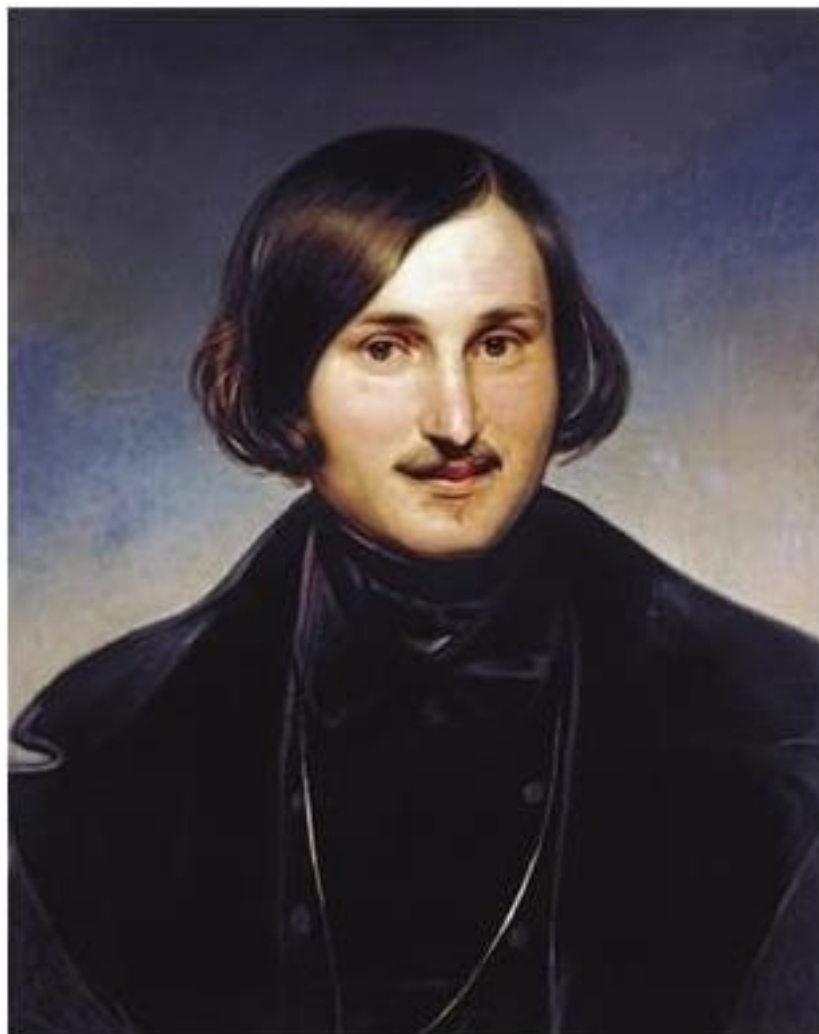
Этими особенностями могут быть и чрезвычайно глубокая эмоциональность, и склонность к бурным эмоциональным взрывам, и необыкновенно высокая психическая активность, и напряженная погруженность в свой внутренний мир. Однако все это не душевная болезнь, а всего лишь свойства характера.

Таким образом, ни Ч. Ломброзо, ни Э. Кречмер влияние болезни на творчество отдельных гениев почти не рассматривали. Однако это влияние всегда весьма значимо, так как болезнь неотделима от личности и от психической деятельности гения. С одной стороны, она относительно редко приводит к разрушению творческих возможностей, иногда даже обогащает. С другой, в некоторых случаях напряженное творчество-«самосожжение» может привести гения к тяжелому психическому расстройству, парализующему продуктивную деятельность.

ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

Эта несносная болезнь... Она меня сушит

Н. В. Гоголь

Художник Ф. Мюллер, Русская портретная галерея. Ок. 1840

Имя Николая Васильевича Гоголя по праву стоит вторым после А. С. Пушкина в ряду гениев русской литературы, и нет необходимости много говорить о его значении для нашей культуры. Недаром в свое время, прочитав первое произведение Ф. М. Достоевского «Бедные люди», Н. А. Некрасов и В. Г. Белинский восклицали: «Новый Гоголь явился!». Это была действительно наивысшая похвала. В дальнейшем никто не удостоивался такой оценки. Н. В. Гоголь и М. Е. Салтыков-Щедрин были и до сих пор остаются величайшими русскими сатириками. Но вместе с тем

«Шинель» Гоголя – одна из первых пронзительных трагедий о «маленьком человеке». Восхищаться Гоголем можно без конца, и никакие самые возвышенные и хвалебные слова при

этом не будут преувеличением. В. Г. Белинский писал: «С Гоголя начался русский роман и русская повесть, как с Пушкина началась истинно русская поэзия... Гоголь внес в нашу литературу новые элементы, породил множество подражателей, навел общество на истинное содержание романа, каким он должен быть; с Гоголя начинается новый период русской литературы...». Словом, в величии и гениальности Гоголя никто усомниться не может. Знакомясь в детстве с произведениями Гоголя, всю жизнь перечитывая их, мы не перестаем ими восхищаться. Но знакомство с его биографией вызывает массу вопросов, на которые трудно найти вразумительные ответы без обращения к компетентным специалистам, в частности к психиатрам.

Известно, что еще при жизни Гоголя, во второй половине 1840-х годов, многие говорили, что у него «что-то тронулось в голове», а тот же В. Г. Белинский писал ему: «Вы больны, и вам надо спешить лечиться...». Он имел в виду одно из последних произведений Гоголя – «Выбранные места из переписки с друзьями». Действительно, и его поступки, и содержание некоторых произведений, особенно в конце не столь долгой жизни (он прожил 43 года), мягко говоря, вызывают недоумение. Многие изучали и анализировали жизнь великого писателя, в том числе и психиатры, и большинство из них пришли к выводу, что Гоголь был психически болен и что все нелепые и неприглядные моменты в его жизни и творчестве – результат именно этого. Благодаря этим исследованиям мы довольно много знаем о личной жизни Гоголя, о его привычках, отношениях с близкими людьми, можем анализировать многие его поступки и стараться понять их, наконец, оценить влияние его психического состояния в различные периоды жизни на характер творчества.

Чтобы разобраться в перипетиях жизни человека, который предположительно страдал психическим заболеванием, следует ознакомиться с его наследственностью. Гоголь родился 20 марта (1 апреля по новому стилю) 1809 года. Его отец, Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский, был, судя по всему, человек добродушный, ленивый, средних способностей, «от нечего делать» сочинявший банальные стихи и пьесы, не вызывавшие интереса у окружающих. Он умер от чахотки в 43 года, в таком же возрасте скончался впоследствии его единственный сын. Хроническое заболевание отца вполне могло повлиять на здоровье Гоголя, обусловив хрупкость его нервной системы. Немалый интерес в этом отношении вызывают и сведения о матери писателя, Марии Ивановне, родившей сына Николая в 15-летнем возрасте, а всего рожавшей 12 раз. Ее характеризуют как женщину добрую, отзывчивую, способную сочувствовать чужому горю, непритязательную и непрактичную. Ей были свойственны беспричинные и довольно выраженные колебания настроения: периоды оживления и подвижности сменялись состояниями «мечтательности», медлительности, вялости, обращавшими на себя внимание окружающих. Некоторые отмечали ее недоверчивость и подозрительность. Все это свидетельствует о ярко выраженных особенностях характера матери Гоголя, в частности таких, которые могут передаваться по наследству. И, как мы потом увидим, подозрительность и угнетенное настроение имели место в болезненных переживаниях писателя.

Гоголь рос болезненным («золотушным») ребенком. В гимназии учился плохо, не любил физических упражнений. Со сверстниками и преподавателями у него были неровные отношения. Его дразнили, а он зло насмехался над товарищами и учителями. Но вместе с тем был живым отроком, склонным к шутке и розыгрышу. В нем рано проснулось желание сочинять. Даже на уроках, делая вид, что читает книгу, Гоголь умудрялся записывать свои сочинения в тетрадь, которая была спрятана в ящике стола. Когда его лишили возможности сочинять на уроках, он «взбесился». Один из его товарищей так описывает этот эпизод из юности будущего писателя: «Сбежались мы и видим, что лицо у Гоголя страшно исказилось, глаза сверкают каким-то диким блеском, волосы напорщились, скрегочет зубами, пена изо рта, падает, бросается и бьет мебель – взбесился! Прибежал и флегматический директор Орлай, осторожно подходит к Гоголю и дотрагивается до плеча: Гоголь схватывает стул, взмахнул им – Орлай уходит... Осталось одно средство: позвали четырех служащих при лицее, приказали

им вязать Гоголя и отвести в особое отделение больницы. Вот инвалиды улучили время, подошли к Гоголю, схватили его, уложили на скамейку и понесли, раба божьего, в больницу, в которой пробыл он два месяца, отлично разыгрывая там роль бешеного...». Странная история, не правда ли? Не каждый пожелает, даже борясь за свое право писать произведения на уроках, симулировать при этом психическую болезнь и два месяца сидеть в психиатрическом отделении. Иными словами, вполне вероятно, что Гоголь перенес короткое психическое расстройство, которое было принято окружающими за капризничанье, стремление во что бы то ни стало добиться своего. Описываемая картина очень напоминает возбуждение при остром психическом расстройстве. Даже если считать ее реакцией на обиду или притеснение, она выглядит крайне резкой, не соответствующей вызвавшему ее раздражителю. Дальнейшие события подтверждают правомерность такого предположения.

Пожалуй, мы не согласимся с мнением В. Ф. Чижана (известного отечественного психиатра конца XIX – начала XX века), что у Гоголя с юности были «бредовые идеи» величия, в связи с чем он казался весьма надменным и, окончив гимназию всего лишь «по второму разряду», не зная языков и т. д., очень высоко ценил свои потенциальные возможности, впрочем, ничем их пока не подтверждая.

Скорее всего, имели место особенности характера, усиливающиеся в течение жизни: эгоцентризм, юношеский максимализм, капризность, особенно ярко выражавшаяся в его неприязни отдельных людей, а в дальнейшем и в манере публичного чтения произведений. Вот связанные с этими чертами примеры его поведения: Гоголь мог без объяснения уйти из гостей при появлении неприятного ему человека или притвориться спящим в кресле и «проснуться» сразу после его ухода; иногда он сбегал из гостей, только там появившись, чем приводил в крайнее смущение хозяев; в поездках он представлялся другой фамилией (психологически это выглядит оправданно, как попытка избежать ненужного общения, но частота подобных происшествий, отсутствие каких-либо объяснений – уже нелепость). Иногда его приходилось чуть ли не на коленях упрашивать почитать что-нибудь «свое», хотя об этом был договор, в другой раз он мог прийти и начать читать без предварительной договоренности. Что касается высокомерия Гоголя и его «сверхкритического» отношения к окружающим, то не исключено, что именно эта черта характера и способствовала в дальнейшем формированию его сатирического таланта. В характере Гоголя, безусловно, были параноические черты (параноики – это люди настойчивые, уверенные в своих действиях, упрямые, обычно переоценивающие собственные возможности, нередко активно продвигающие в жизнь какую-нибудь одну, но «свою» идею).

В какой-то период жизни Николай Васильевич переоценивал разносторонность своих дарований. Пишут, что он обладал незаурядными артистическими способностями, великолепно читал свои и чужие сочинения, но с актерской карьерой ему не повезло. Только занявшись литературным творчеством, почти сразу он продемонстрировал талант и превосходство над многими окружавшими его людьми.

Еще одна из черт характера писателя – скрытность. Он не любил делиться своими интимными переживаниями. В течение всей жизни у него практически не было настоящих друзей, а были лишь люди, его обожавшие, «слушающие», восхищавшиеся, ученики (последних, правда, были единицы). Наиболее близкие отношения у него сложились с соучеником по гимназии А. С. Данилевским, да и те постепенно сошли на нет. Гоголь все совершаемое для него добро принимал как должное и не любил платить тем же (так, вместо необходимой материальной помощи он мог дать «ценный совет»). До конца жизни, несмотря на болезнь, писателю был свойствен необыкновенный практицизм – он общался только с нужными ему людьми, спокойно разрывая отношения, если человек ему становился не нужен, он был близок с теми, кто поддерживал его материально или мог устроить его дела, словом, максимально использовал и людей, и ситуацию в своих интересах. Каждому из нас приходилось сталкиваться с людьми, которые выглядят чужаками, не от мира сего, но очень неплохо ориентируются в вопросах собственного благопо-

лучия и в случае чего быстро перетягивают одеяло на себя. При этом Гоголь не был отъявленным прагматиком и скопидомом. Он жертвовал деньги церкви «на нищих» (правда, с условием, чтобы молились за его здоровье), «на бедных студентов университета», при этом сам испытывая затруднение в средствах. Он отказался от своей доли наследства в пользу матери и сестер. Такая пестрота личностных черт и составляла характер Гоголя, способствующий созданию, с одной стороны, гениальных литературных трудов, а с другой – предрасполагающий к душевному расстройству. Все перечисленные черты характера усиливались с течением времени.

Один эпизод из жизни писателя, произошедший с ним в молодости, требует специальной (психиатрической) оценки. Окончив гимназию и приехав в Петербург в надежде на престижную работу, дающую средства и положение в обществе, Гоголь, несмотря на мизерность имевшихся у него денег, вдруг уехал за границу. Некоторые исследователи жизни и творчества писателя пытались объяснить эту поездку переживаниями, связанными с его первой литературной неудачей. Однако сам он писал: «Как бы то ни было, но *это противувольное мне самому влечение* (курсив наш. — Прим. авт.) было так сильно, что не прошло и пяти месяцев по прибытии моем в Петербург, как я сел уже на корабль, не будучи в силах противиться этому чувству, мне самому непонятному».

Речь шла в данном случае об импульсивном влечении, которое, являясь болезненным, чуждым нормальной психической деятельности индивидуума, требует, однако, его выполнения, как бы нелепо оно ни было. Гоголь последовал этому влечению, сел на корабль и прибыл в Германию. Он оказался в одном из красивейших ее городов – Любеке. Однако ко всему вокруг он остался равнодушен. Молодой человек (тогда ему был 21 год), мечтавший о заграничном путешествии, в город «въехал так, как бы в давно знакомую деревню, которую привык видеть часто». Вернулся он в Петербург через полтора месяца совершенно спокойным. Это путешествие могло быть продиктовано болезненными состояниями, связанными с аффективными переживаниями (тревогой), галлюцинациями или бредовыми идеями. В дальнейшем переезды, путешествия, проживание «в чужих краях» станут постоянными событиями в жизни Гоголя. Его отъезды из России и переезды из одной страны в другую будут напоминать бегство. Да это и было бегством от болезни. Он никогда не обзаведется семьей, не будет иметь собственного дома. Такие обстоятельства обычно сопровождают людей с характерологическими отклонениями или психической болезнью.

С молодого возраста у писателя чередовались периоды творческого подъема и состояния слабости и подавленности. При этом окружающие то чаще, то реже замечали непонятные изменения и противоречия в поведении писателя, в его общении с людьми. Подобные изменения в характере и поведении Гоголя обусловили также противоречивое отношение к нему современников. Были люди, которые все ему прощали и продолжали боготворить писателя до конца его жизни, но были и ненавидевшие его, пытавшиеся «разоблачить», всячески подчеркивающие негативные стороны его характера.

Все произведения Гоголя, принесшие ему всемирную славу, написаны примерно до 1843 года, когда ему исполнилось 34. Ворвавшись в литературу с «Вечерами на хуторе близ Диканьки», он вскоре очаровал читателей «Миргородом», затем «Петербургскими повестями» («Невский проспект», «Нос», «Портрет», «Шинель», «Записки сумасшедшего»), а потом были написаны «Тарас Бульба», «Ревизор», перевернувший представления о театральных постановках, наконец, «Мертвые души». Этого неполного списка достаточно, чтобы оценить титанический труд Гоголя. Он тщательно отшлифовывал свои произведения, перерабатывал, исправлял их; повести выходили повторно в новых редакциях. Они буквально искрятся юмором, или в них едко высмеиваются пороки и мерзости тогдашней жизни. Но сквозь обилие юмористических и сатирических образов и ситуаций проглядывает поразительное понимание переживаний «маленького (обычного. — Прим. авт.) человека» и глубокое сочувствие ему. Своеобразие мышления и творческого метода Гоголя позволило ему создать произведения,

которыми восторгались и на которых учились не только русские писатели, хотя при жизни автора они не были оценены. Такова, например, повесть «Нос» – предвестница гениальных творений Ф. Кафки (вспомните рассказ последнего «Превращение»), появившихся сто лет спустя. Все это и многое другое было создано Гоголем примерно за 12 лет, и тем более удивительно, что за это время он перенес несколько периодов выраженного болезненного состояния (о них мы упоминали выше), когда у него было пониженное настроение, почти исчезала способность сочинять, появлялись неприятные ощущения в животе, запоры. Эти периоды с легкой руки тогдашних докторов называли «геморроидальной болезнью». Такой терминологии придерживался и Гоголь, обращая внимание в начале болезни в первую очередь на нарушения работы желудочно-кишечного тракта (симптом нередкий при депрессивных состояниях).

Первые отчетливые состояния психического нездоровья были отмечены у него в 1833 и 1837 годах. Длились они по несколько месяцев и характеризовались творческим застоем, унылым настроением, жалобами на физическую слабость и «ненормальную» работу желудка. Гоголь так описывал свое состояние: «...нервическое мое пробуждение обратилось вдруг в раздражение нервическое. Все мне бросилось разом в грудь... Я испугался; я сам не понимал своего положения; бросил занятия, думал, что это от недостатка движения при водах и сидячей жизни. Пустился ходить и двигаться до усталости и сделал еще хуже. Нервическое расстройство и раздражение возросло ужасно, тяжесть в груди и давление, никогда дотоле не испытанное, усилилось... К этому присоединилась болезненная тоска, которой нет описания. Я был приведен в такое состояние, что не знал решительно, куда деть себя, к чему прислониться. Ни двух минут я не мог остаться в покойном положении ни в постели, ни на стуле, ни на ногах. О, это было ужасно».

После этого наступал период подъема, и Гоголь продолжал творить, восхищая близких ему людей юмором и сарказмом. В 1840 году он писал: «Я начал чувствовать какую-то бодрость юности, а самое главное, я почувствовал, что нервы мои пробуждаются, что я выхожу из того летаргического умственного бездействия, в котором я находился и чему причиною было нервическое усыпление... Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как разбуженный рой пчел; воображение мое становится чутко... Я, позабывши все, переселился вдруг в тот мир, в котором давно не бывал, и в ту же минуту засел за работу...».

Однако и в «светлые промежутки» он не чувствовал себя полностью здоровым. В это время он пишет: «Увы! Здоровье мое плохо! ...Если бы мне на четыре, пять лет еще здоровья!.. Но работа моя вяла, нет той живости... *Эта несносная болезнь. Она меня сущит.* Она говорит мне о себе каждую минуту и мешает мне заниматься». Или так: «Тупеет мое вдохновение, голова часто покрыта тяжелым облаком, который я должен беспрестанно стараться рассеивать, а между тем мне так много еще нужно сделать».

Все это подтверждает наличие у писателя аффективных колебаний (подъемов и спадов), которые мы наблюдаем у многих талантливых людей. Примерно с 26 – 27 лет болезнь принимает непрерывный характер и приводит к необратимым изменениям личности, в конечном итоге отражаясь и на его творчестве. Описанные выше противоположные аффективные состояния (подавленность и подъем) принимали более выраженный характер, а границы их как бы размывались (периоды благополучия постепенно исчезли). Вот как описывает это Гоголь в 1842 году: «Я был болен, очень болен и еще болен донныне внутренно; болезнь моя выражается такими странными припадками, каких никогда еще не было. Но страшнее всего мне показалось то состояние, которое напоминало мне ужасную болезнь мою в Вене, а особенно, когда я почувствовал то подступающее к сердцу волнение, которое всякий образ, пролетающий в мыслях, обращало в исполина, всякое чувство превращало в такую страшную радость, какую не в силах вынести природа человека, и всякое сумрачное чувство претворяло в печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потом следовали обмороки, наконец, совершенно сомнамбулическое

состояние». Мы видим, что границы аффективных состояний стерты (экстаз и тоска не разнятся во времени), а сознание носит характер сновидного.

Гоголю смолоду был свойствен определенный мистицизм, который некоторые биографы связывали с влиянием матери, большой любительницы «страшных историй». Писатель их живо воспринимал, и в дальнейшем у него не было практически ни одного произведения, где не действовали бы колдуны, покойники, утопленницы и тому подобные персонажи. Слушая сказки и песни на Украине, он впитывал их и блестяще использовал в повестях. Его мышление уже в молодости отличалось большой склонностью к фантазиям и мистическим построениям. А. С. Пушкин при описании фантастического сна Татьяны использовал персонажей небольшой фламандской картины «Искушение святого Антония», висевшей в Тригорском, где он видел «остов чопорный и гордый» и «ведьму с козьей бородой». Гоголю же для описания «страшных» сцен не нужны были никакие картины, он легко все выдумывал сам, таков был склад его мышления. Вспомните: «Пошатнулся третий крест, поднялся третий мертвец. Казалось, одни только кости поднялись высоко над землею. Борода по самые пяты; пальцы с длинными ногтями вонзились в землю. Страшно протянул он руки вверх, как будто хотел достать месяца, и закричал так, как будто кто-нибудь стал пилить его желтые кости...» («Страшная месь»)). Или: «...Слышал, как нечистая сила металась вокруг него, чуть не зацепляя его концами крыл и отвратительных хвостов... Видел только, как во всю стену стояло какое-то огромное чудовище в своих перепутанных волосах, как в лесу; сквозь сеть волос глядели страшно два глаза, подняв немного вверх брови. Над ним держалось что-то в воздухе в виде огромного пузыря, с тысячами протянутых из середины клещей и скорпионных жал. Черная земля висела на них клоками» («Вий»). Поразительная фантазия, напоминающая сновидное помрачение сознания при остром психозе. Подобные ужасы мы действительно можем увидеть лишь на картинах старых мастеров, рисующих «искушения святых». Таким образом, мистицизм, склонность к мрачному фантазированию были свойственны мышлению Гоголя, парадоксально соседствуя с противоположной чертой его таланта – искрометным юмором. Такие противоречия психики обычно характерны для людей неуравновешенных, склонных к расстройствам психической деятельности. Это, к сожалению, подтвердилось и в жизни Гоголя. Мистические мотивы в мышлении переросли затем в идеи о его особом предназначении, роли пророка, устами которого «говорит Создатель». Мы видим, что болезнь, начавшаяся почти как физическое страдание (слабость, нарушение работы желудочно-кишечного тракта), постепенно овладевает психической деятельностью больного: меняет его характер, мышление, стиль жизни, обедняет и извращает творчество.

Помимо описанных выше расстройств в состоянии писателя появились и другие болезненные признаки. О них мы можем судить также по произведениям, созданным после 1843 года, а писать он продолжал много (письма, статьи, второй том «Мертвых душ», позднее сожженный, и др.), хотя творчество его резко изменилось. В 1846 году стали печататься печально знаменитые «Выбранные места из переписки с друзьями», прочтя которые В. Г. Белинский написал Гоголю свое известное «Письмо». Надо сказать, что это произведение вызвало много толков, читатели удивлялись и осуждали Гоголя – поразились тому, что человек, сочинивший «Ревизора» и «Мертвые души», мог «так низко пасть». Дело в том, что в «Выбранных местах...» он оправдывал существующий порядок, в том числе крепостное право, рекомендовал помещикам «отеческую расправу» – порку и т. д. Позднее он писал, что считает это произведение своей «единственной стоящей книгой». Книга поражает не только содержанием, но и формой. Вот, например, выдержка из VI письма «О помощи бедным»: «Помогать надо прежде всего тому, с которым случилось несчастье внезапное, лишило его всего за одним разом: или пожар, сжегший все дотла, или смерть, похитившая единственную подпору, словом – всякое лишение внезапное, где вдруг явится человеку бедность, к которой он еще не успел привыкнуть. Тогда несите помощь».

Вообще-то на психиатрическом языке это называется бесплодным мудрствованием, или резонерством. Это вариант нарушения мышления, другого объяснения здесь быть не может. Произведение «Выбранные места...» свидетельствует о психическом расстройстве автора. Появление книги, связанное с непреодолимым желанием поучать, обусловлено болезненными мыслями писателя о своем высоком предназначении, уверенностью, что его устами говорит Бог. В книге еще много несуразных мест, доказывающих нездоровье автора. Гоголь «сверхкритически» относится к своему творчеству, радуется, что его ругают в печати и в разговорах за «Мертвые души». Он пишет: «Вы напрасно негодуете на неумеренный тон некоторых нападений на „Мертвые души“. Это имеет свою хорошую сторону. Иногда нужно иметь противу себя озлобленных... кто озлоблен, тот постарается выкопать в нас всю дрянь и выставить ее так ярко наружу, что поневоле ее увидишь». Вот как. Оказывается, злобная критика – хорошее творческое вспоможение даже для гениального писателя. Вообще при чтении этой книги создается впечатление, что автору все равно, кому и что проповедовать, лишь бы проповедовать. Так, проблеме просвещения он уделяет полторы страницы, но зато переводу В. А. Жуковским поэмы Гомера „Одиссея“ он отводит очень большое место, ставя ее чуть ли не рядом с Библией (и это будучи очень религиозным человеком): «Дворянин, мещанин, купец, грамотей и не грамотей, рядовой солдат, ребенок обоего пола, начиная с того возраста, когда ребенок начинает любить сказку, ее прочитают и выслушают без скуки. Обстоятельство слишком важное, особенно если примем в соображение то, что „Одиссея“ есть и самое нравственное произведение...». Заявление более чем странное, если учесть, что в то время вряд ли кто-нибудь, кроме крайне заинтересованных лиц (поэты, писатели, критики, ну и досужие книголюбы), стал бы читать громоздкий, хотя и талантливый перевод Жуковского, особенно нелепо это выглядит в отношении солдат, для которых еще не были отменены шпицрутены. Здесь сказалось не только расстройство мышления, но и долгое пребывание Гоголя за границей. То есть в то время у жителей России было множество проблем помимо чтения вслух перевода «Одиссеи» Жуковского. Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать самого Гоголя («Ревизора» и первый том «Мертвых душ»).

Но и в «Выбранных местах...» были талантливые, блестящие строки (они, правда, были написаны в 1843 году, когда изменения личности еще не были отчетливо выражены): «Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та *мелочь*, которая ускользает от глаз, мелькнула бы *крупно* в глаза всем». Какая меткая характеристика своего творчества и ссылка на Пушкина, который Гоголя высоко ценил! Это не хвастовство – Гоголь имел полное право так писать.

Вспомним, что, к счастью, на начальных этапах болезнь текла приступообразно, отмечались состояния творческого подъема, что давало возможность в полной мере проявиться врожденному чувству юмора Гоголя и использовать сведения, накопленные с помощью его феноменальной способности наблюдать и запоминать.

В общем, творческая судьба Гоголя складывалась удачно. Он был рано признан читателями и литературной братией, его при жизни высоко ставили Пушкин и Белинский, он не был гоним и заперт на жительстве в России, как Пушкин. Он ездил и жил где хотел. Был достаточно обласкан правительством (несмотря на едкую сатиру, его произведения бойко печатались без особых цензурных искажений; на первом представлении «Ревизора» в Александринском театре присутствовал царь с семьей), а в последние годы жизни он имел неплохое денежное содержание. Гоголь постоянно был в окружении почитателей своего таланта, готовых предоставить ему и кров, и материальную помощь. Тем не менее многолетняя болезнь, протекавшая вначале приступами, а затем непрерывно, привела к полному краху его таланта и разрушению личности.

Как мы видели, его оценки в отношении собственных произведений резко сместились, он стал ценить только свои проповеднические труды (позднее некоторые назовут их реакционными), сосредоточив все мысли на состоянии здоровья, которое действительно было важным. Он постоянно о нем молился и просил об этом всех, в первую очередь мать. Хотя болезнь была психического свойства, видимо, он тяжело страдал, его письма к матери напоминают просьбу Поприщина из «Записок сумасшедшего»: «Матушка, спаси твоего бедного сына! Урони слезинку на его больную головушку!.. Прижми ко груди своей бедного сиротку! Ему нет места на свете! Его гонят!»

Из общих болезней, кроме того, что он был вообще очень болезненным ребенком, Гоголь перенес отит («течь из уха») в детстве, простудные заболевания, какую-то «южную» лихорадку в Италии. Незадолго до смерти у него опять как будто появились выделения из уха, но никакого серьезного влияния на общее состояние это не оказало. У Гоголя явно была нарушена температурная регуляция. Периодически он испытывал сильные ознобы («мерз»). В некоторых воспоминаниях описывается изумление навещавших его знакомых, которые, придя к нему в довольно теплое или даже сильно натопленное помещение, заставляли Гоголя в ермолке, теплом халате и войлочных сапогах. В таком виде он работал. Видимо, поэтому он старался проводить холодное время года в теплых местах (Неаполе, Одессе). Такая чувствительность к холоду наблюдается обычно у людей с крайне восприимчивой нервной системой, им свойственны и беспричинные колебания настроения. Все его жалобы на здоровье (нарушения работы желудочно-кишечного тракта, слабость, неприятные ощущения в различных участках тела), возможно, были тесно связаны с аффективными колебаниями (сниженным настроением, тревогой, одним словом – депрессией). Такое расстройство, когда все мысли сосредоточены на собственном здоровье, когда человек постоянно думает о возможном его ухудшении и «роковом исходе», а фактическое состояние организма больного никакой опасности для жизни не представляет, в психиатрии называют *ипохондрией*. Она является составной частью депрессии. Все это мы можем видеть, анализируя душевную болезнь Гоголя.

Как мог заметить читатель, картина болезни не ограничивалась этими расстройствами, а включала в себя нарастание отстраненности, появление равнодушия к вещам, ранее волновавшим писателя, и сосредоточение всех мыслей на собственном здоровье, мессианстве, «обязанности» всех поучать, что сочеталось со склонностью к выспренным рассуждениям.

Необходимо добавить, что писатель еще страдал фобией (навязчивым страхом), а именно *таффефобией* — боязнью быть погребенным заживо. В своем «Завещании» в 1846 году он писал: «Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения. Упоминаю об этом потому, что уже во время самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться...». То, что описывает здесь Гоголь, можно расценить как *кататонический ступор* (полная обездвиженность), который может сопровождаться переживаниями овладения или воздействия (ощущением больного, что его действиями овладевает посторонняя сила, отрицательно воздействующая на его тело и разум). Современники вспоминают, что Гоголь панически боялся похорон и под всякими предложениями не участвовал в них, даже если речь шла о близких знакомых.

В советское время нас учили, что, живя в Риме, писатель попал под влияние реакционеров и мистиков. К ним относили в первую очередь художника А. А. Иванова (автора картины «Явление Христа народу»), который также был душевнобольным и страдал манией преследования. Гоголь сам разделял с приятелем его бредовые идеи и учил его, как следует себя вести с воображаемыми преследователями.

В последний раз состояние Гоголя стало ухудшаться в Новый, 1852, год. В это время умерла его многолетняя приятельница Е. М. Хомякова (писатель любил общаться со светскими дамами, которые с восторгом слушали его «поучения»). Гоголь был очень расстроен, утешал вдовца, поэта А. С. Хомякова, а сам становился все более мрачным. Ездил в Преображенскую

(психиатрическую) больницу. В то время там пребывал знаменитый юродивый-прорицатель, к которому вся Москва ездила за советами и предсказаниями, – И. Я. Корейша. Гоголь постоял у ворот «на ветру», в больницу не пошел и уехал домой. Состояние его день ото дня ухудшалось, он становился все более замкнутым, почти не ел, постился. Писатель просил хозяина дома, где он квартировал, графа А. П. Толстого, взять его портфель с рукописями, а Толстой «постеснялся» – не хотел разделять мрачного настроения писателя и мыслей о том, что все кончено. И вот в один из вечеров Гоголь в присутствии прислуживающего ему мальчика сжег все свои рукописи (в том числе и второй том «Мертвых душ», отрывки из которого читал публично незадолго до этого). Вскоре после этого он залег в постель и последние дни перед смертью с нее уже не вставал. Вначале лежал в одежде, отвернувшись лицом к стенке, односложно отвечал на вопросы, говорил, что «уже приготовился к смерти», ничего не ел. О своих переживаниях в это время писатель никому не рассказывал, да его никто особенно не расспрашивал. Он страшно похудел, как вспоминал один из врачей, «через живот можно было прощупывать позвонки». Его лечили по крайней мере четыре врача, которые в последние дни перед смертью буквально залечили больного, применив весь арсенал средств тогдашней медицины: ванны, влажные обертывания, кровопускания, пиявки и даже гипноз. Пытались его кормить насильно. Ничего не помогало. Гоголь все время был в сознании, вяло реагировал на процедуры и только просил оставить его в покое. Вероятно, врачи недооценивали тяжесть психического состояния своего пациента. Весть о болезни великого писателя быстро облетела Москву, и в комнате перед его кабинетом толпился народ. Только за 6 – 7 часов до смерти он впал в забытие, а потом, не приходя в сознание, умер. Это случилось 21 февраля (4 марта по новому стилю) 1852 года.

Такова была трагическая безвременная кончина гениального писателя, причиной которой явилось истощение, наступившее из-за отказа от пищи, что, в свою очередь, было обусловлено болезненными переживаниями (бредовые идеи, и, возможно, галлюцинации с депрессивной окраской), резким ухудшением его психического состояния (обострилась болезнь, мучившая Гоголя большую часть его жизни). Об этом свидетельствуют отсутствие симптомов какого-либо физического заболевания и полное бессилие врачей со всеми лечебными мероприятиями. Болезнь Гоголя, протекавшая на фоне нарастающих изменений личности (замкнутость, расстройства мышления, равнодушие к явлениям, которые раньше волновали и вызывали протест) и проявлявшаяся аффективными колебаниями (депрессии и состояния подъема), а также бредовыми идеями (ипохондрия и мессианство), привела к извращению и уменьшению его творческих возможностей, нарушила его связи с окружением. Сейчас на основании данных признаков можно с достаточной долей уверенности сказать, что он страдал шизофренией с аффективными колебаниями (расстройства настроения), причем у него было приступообразное течение болезни.

Однако и в отведенное ему судьбой время он сумел сделать столько, что, безусловно, воздвиг себе, как и А. С. Пушкин, «памятник нерукотворный». И. С. Тургенев, в то время уже известный литератор, писал в некрологе: «Гоголь умер! – Какую русскую душу не потрясут эти два слова?.. Потеря наша так жестока, так внезапна, что не хочется ей верить... – Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим; человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордимся, как одной из слав наших!». За этот некролог, напечатанный в Москве в обход цензурного комитета, И. С. Тургенев был сослан в свое имение в Орловской губернии. История повторилась: М. Ю. Лермонтов был сослан за стихотворение «На смерть поэта», явившееся реакцией на убийство А. С. Пушкина.

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ БАТЮШКОВ

Смерть наступила раньше самой смерти

К. Н. Батюшков
Художник О. Кипренский. 1815

Он считался олицетворением молодости и надеждой русской литературы начала XIX века, был любимым поэтом Пушкина-лицеиста. Впрочем, и в зрелые годы Пушкин относился к нему с большой симпатией, награждая его эпитетами «счастливый ленивец», «певец забавы». Однако можно утверждать, что великий поэт рассматривал Батюшкова весьма односторонне, что мы и попытаемся показать.

Жизнь Константина Батюшкова для XIX века была относительно долгой – 68 лет, но ровно половина ее протекала под гнетом душевной болезни. Творчество продолжалось до 34 лет. Напрашивается дежурная фраза: «Ах, сколько бы он еще написал, если бы не заболел!». Однако в болезни Константина Батюшкова, в том, что, по выражению одного из литературоведов, «смерть наступила раньше самой смерти», есть своя печальная оправданность.

Внешне жизнь его была богата событиями. Родился в 1787 году в небогатой помещичьей семье, которой принадлежало несколько мелких поместий в Вологодской губернии. Детские и юношеские годы прошли в Петербурге, где он получил хорошее образование – сначала во французском, затем в итальянском пансионе; владел французским, немецким, итальянским языками, латынью и греческим. Читал и переводил Гомера, Данте, Боккаччо, Петрарку. Особо

боготворил Батюшков поэта эпохи Возрождения Торквато Тассо, также страдавшего тяжелым психическим расстройством. Не чувствовал ли он родство душ?

После окончания пансиона Батюшков служил в Департаменте народного просвещения и работал в Императорской публичной библиотеке. В начале второй войны с Наполеоном (1806 – 1807), в 23 года, решил пойти добровольцем в армию, где исполнял обязанности сотенного начальника Санкт-Петербургского милиционного батальона, затем отправился на войну в чине подпоручика. В том же году в сражении под Гельсбергом был ранен в ногу и лечился уже в России.

Еще одна война Батюшкова – Русско-шведская (1808 – 1810). Рвался он участвовать и в войне 1812 года, однако вначале расхворался (лихорадка), затем был связан долгом вывезти из Москвы своих родственников. Однако в 1813 году он снова в действующей армии, в дивизии знаменитого героя Отечественной войны Н. Н. Раевского. Участвовал в «битве народов» под Лейпцигом; вместе с победоносными русскими войсками вошел в Париж.

Последнее место его военной службы – захолустный Каменец-Подольск. Отставка. Затем он снова трудился в Императорской публичной библиотеке в должности помощника начальника отдела манускриптов. Дальше Батюшков неожиданно переходит на дипломатическую службу в Неаполь (в Королевстве Обеих Сицилий). Восстание карбонариев приводит его в ужас. После возвращения из Италии в 1821 году «жизнь его превращается в историю болезни» (Зубков Н., 1999).

Но, несмотря на малый срок, отпущенный поэту для творчества, литературное наследие его велико: сатиры, басни, эпиграммы, элегии, поэмы, очерки, переводы, мемуары. Наиболее значительными его литературными произведениями считаются стихотворения «Видение на берегах Леты», «Мои пенаты», «Мой гений», поэма «Умиравший Тасс», военные мемуары, сказка «Странствователь и домосед». Интересно, что Константину Николаевичу принадлежит сравнение России со скачущим конем, позже блистательно выраженное А. С. Пушкиным («Медный всадник») и косвенно Н. В. Гоголем («птица-тройка»). В очерке «Прогулка в Академию художеств» Батюшков писал: «У нас перед глазами фальконетово произведение... сей чудесный конь, живой, пламенный, статный и столь смело поставленный, что один иностранец, пораженный смелостью мысли, сказал мне, указывая на коня фальконетова: „Он скачет, как Россия“».

До болезни поэт был весьма общителен; среди тех, с кем он был близок, – Гнедич, Жуковский, Вяземский, Уваров, дядя и племянник Пушкины, многие другие литераторы из объединения «Арзамас».

В психиатрии первая четверть XIX века – время примитивных классификаций. Диагноз, поставленный поэту, – мания преследования – с позиций сегодняшнего дня смешон: под манией подразумевается совершенно иное, и диагноз в целом – не название болезни, а название одного симптома («брёда преследования»). Если же болезнь продолжается непрерывно более 30 лет и не приводит к слабоумию и смерти – это, безусловно, шизофрения.

На самом деле фигура Батюшкова трагическая, сотканная из противоречий. И первым этот трагизм заметил литературовед XIX века Л. Н. Майков, издатель его «Писем».

Батюшков признается в одном из писем к П. А. Вяземскому (1816): «С рождения я имел на душе черное пятно, которое росло с годами и чуть не зачернило мне всю душу. Бог и рассудок спасли. Надолго ли, не знаю...».

Возможно, «черное пятно» и тяжелые предчувствия были связаны с отягощенной наследственностью.

В 1795 году умерла его мать, за несколько лет до этого «лишившись рассудка». Еще несколько родственников в предыдущих поколениях были поражены душевным недугом. Старшая сестра поэта, Александра, ухаживавшая за ним в начале болезни, сама в 1829 году «лишилась ума» и вскоре скончалась.

Таким образом, поэт принадлежал к так называемым ядерным семьям, где душевные болезни передаются из поколения в поколение.

Вышеупомянутые противоречия и внутренние конфликты касались определения Батюшковым его места в поэзии. Вопрос «Кто я?» для себя он так и не разрешил.

То он считает для себя достаточным быть дилетантом («Послание к Н. И. Гнедичу»):

А друг твой славой не прельщался, За бабочкой, смеясь, гонялся,
Красавицам стихи любовные писал...

Или:

Пушай, кто честолюбьем болен, Бросает с Марсом огонь и гром.
Но я безвестностью доволен И счастлив в уголке простом.

То под влиянием того же Н. И. Гнедича, известного прежде всего переводом «Илиады», решает переводить величайшую (по оценкам своего времени) поэму Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», однако явно не находит сил для этого, под разными предлогами увиливая от обещания Гнедичу, и вообще сомневается в своем таланте («Беседка муз»):

Не молит славы он сияющих даров.
Увы! Его талант ничтожен.
Ему отважный путь за стаю орлов, Как пчелке, невозможен.

То он, вопрошая у Гнедича о том, какая польза от перевода Тассо, снова бросается переводить классику («Песнь песней»), причем весьма неудачно.

Пройдя три войны, Батюшков, хоть и был бесстрашен в бою и не раз награжден, позже сравнивал себя с бабочкой, потерявшей в военном вихре крылья. Перед ним часто возникал призрак смерти. Таким образом, к мучительной раздвоенности: «Кто я?» прибавился новый вопрос: «Зачем все это?», усугубивший пессимизм.

В поэте шла незаметная для других внутренняя работа; он был явным интровертом, раздвоенность в нем наблюдалась постоянно. И он прекрасно это осознавал.

Во фрагменте из записной книжки «Чужое – мое сокровище» свой автопортрет Батюшков начинает словами: *«Недавно я имел случай познакомиться со странным человеком, каких много... Ему около тридцати, он то здоров, очень здоров; то болен, при смерти болен. Сегодня беспечен, ветрен, как дитя; посмотришь завтра: ударился в мысли, в религию и стал мрачнее инока. Лицо у него доброе, как сердце, но столь же непостоянно.*

В нем два человека. Оба человека живут в одном теле. Как это?

Не знаю... ».

Нарастанию пессимизма способствовала и история единственной его любви – к Анете Фурман (1813). Батюшков то сомневался в своей возможности вступить в брак – малый рост, малое состояние;

то решал, что не находит ответа на свое чувство, видит вместо любви скорее покорность. Однако отказ от союза с любимой вызвал у самого Батюшкова нервное расстройство, исцеленное войной. Горе испытала и Анета Фурман. Не проявился ли в этой истории впервые «росток» подозрительности поэта?

Были и другие проявления таких «ростков». Еще до рокового 1821 года Батюшков страшился похвал. Затеявая издание многотомных «Опытов в стихах и прозе», он то испытывал уверенность в успехе, то вдруг заявлял: «Сделают идиолом и тут же в грязь втопчут».

Все это приводило к состоянию, которое в те времена называли «нервическим». Еще в 1813 году он писал П. А. Вяземскому: «Я с ума еще не сошел, но беспорядок в моей голове приметен не одному тебе... Не могу отдать себе отчета ни в одной мысли, живу беспутно, убиваю время и для будущего ни одной сладостной надежды не имею...».

Всю жизнь Батюшков был ипохондриком, прибегал к «шпанским мушкам», хине. После 1815 года уверял, что война окончательно убила в нем здоровье.

Таким образом, как это часто бывает, «предболезненные расстройства» (до того как шизофренические симптомы грозно возвестят о себе) напоминали невроз. Может быть, сейчас опытный психиатр вычленил бы среди них симптомы шизофрении (подозрительность, сосуществование противоположных мыслей и чувствований). Однако это предболезненное состояние до 1821 года творчеству не мешало.

Казалось бы, любимец читающей публики и собратьев по перу, бесстрашный герой трех войн! Однако еще до 1821 года Батюшкова угнетало ощущение бесполезности прожитой жизни. Приведем краткое содержание его сказки «Странствователь и домосед». Некий афинянин, Филарет, носился по свету, искал истину, а по возвращении домой его сограждане готовились со вниманием выслушать его речь. Но речь он произносит совершенно бессмысленную, одновременно увещевает афинян не воевать, но и с соседями не мириться... Его избивают и изгоняют из города.

Недаром вскоре проявившаяся «мания преследования» включала в себя и депрессивные расстройства.

Первым свидетельством развития настоящей болезни из предболезненных проявлений считается письмо к Н. И. Гнедичу от 26 августа 1821 года. Оно сумбурно. Батюшков пишет о незаслуженных похвалах, находит подозрительным, что по истечении шести лет его снова начали хвалить, но главный предмет письма – опубликование в журнале «Сын отечества» элегий Плетнева «Б-ов из Рима» и «Подписи к портрету Батюшкова». По небрежности одного из сотрудников «Сына отечества» фамилия автора элегий была упущена. Заболевающий поэт воспринял эту накладку совершенно неадекватно. Во-первых, решил, что не принадлежащие ему стихи выпущены под его именем и публика так их и воспримет. Дальше написал: «Нет ничего глупее и злее. Вижу ясно: злость, недоброжелательство, одно лукавое недоброжелательство... Буду бесчестным человеком, если когда что-либо напечатаю под своим именем. *Обруганный хвалами*, решил не возвращаться в Россию, ибо страшусь людей, которые... вредят мне заочно столь недостойным и низким средством». Плетнева же, искреннего своего почитателя, он и в этом письме, и в дальнейшем именовал «Плетаевым», находя в этом одному ему понятный смысл.

Когда Батюшков все-таки вернулся в Россию, близкие и друзья нашли его совершенно больным. Ему было рекомендовано лечение в Крыму (1822 – 1823). Болезнь продолжала прогрессировать. В Симферополе Батюшков сжег всю свою библиотеку, исключая Евангелие и почитаемого им французского поэта-романтика Шатобриана (позже он называл его «Шатобрильянтом», при этом многозначительно поглядывая на небо). В том же Симферополе он трижды покушался на самоубийство (выбрасывался из окна; в первый весенний день 1823 года пытался перерезать себе горло). Со свежим шрамом на шее, в сопровождении двух санитаров и врача-психиатра, был отправлен в Петербург. Очевидно, в крымский период болезни у поэта были и галлюцинации: полагал, что в печке у него спрятался министр иностранных дел Нессельроде, который следит за ним.

По распоряжению царя Александра I Батюшкову были предоставлены бессрочный отпуск и субсидия для лечения в Германии. Там, в городе Зонненштейн, консилиум врачей нашел его болезнь неизлечимой. Батюшков подал царю прошение о пострижении в монахи то ли в Соловецком, то ли в Белозерском монастыре. Но отпуск его продлевался из-за болезни, лишь в 1833 году Николай I уволил его со службы, назначив весьма немалую пожизненную пенсию.

Из Германии Батюшков возвращается в Москву. Весной 1830 года заболел тяжелым воспалением легких. Пушкина, пришедшего его навестить, он не узнал. В Москве его держали в отдалении от людей. В 1832 году поэта перевезли в Вологду, и он жил в семье своей внучатой племянницы А. Г. Гревенс, в доме которой в 1855 году от «тифозной горячки» и умер.

Благодаря записям Антона Дитриха, лечащего врача вологодского периода, о состоянии поэта известно немало. В первое время Батюшковым овладевали приступы бешенства, его приходилось удерживать, чтобы он не нанес вреда самому себе и окружающим. В 1840 году на смену возбуждению пришла апатия. Он проводил время праздно, предпочитая уединение, не выходил из своей комнаты и не любил, когда к нему входили (это типичные проявления так называемого шизофренического дефекта). К некоторым людям проявлял необъяснимую ненависть, хотя других очень любил.

Следует отметить, что шизофреническая апатия, в отличие от подобных проявлений другого происхождения, не абсолютна – она изменчива и неожиданно сменяется глубокими чувствами. Так было и у Батюшкова: он искренне полюбил маленького брата А. Г. Гревенс, Модеста, и, когда мальчик на шестом году жизни умер, горько его оплакивал. Он даже завещал, чтобы его похоронили возле Модеста в Спасо-Прилуцком монастыре, что и было позже исполнено.

Отмечено, что и во время болезни Батюшков много читал, иногда принимался рисовать, причем странно: вырезал фигурки птиц и зверей из бумаги, раскрашивал их в неестественные цвета с вкраплениями золотой и серебряной фольги. Очевидно, аутизм (уход в себя, уединенность) преобладал над апатией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.